

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ
ТАМ, ГДЕ ТЕПЛО**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ
МОР**

© Tudal 2012

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

МОР

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство А.П.Ф.А.-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К67

Серия основана в 1992 году
Выпуск 784

Художник
О. Юдин

Корнев П. Н.
К67 Мор: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 376 с.: ил.— (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1242-6

Войны заканчиваются, скрытое противостояние между странами не прекращается никогда. Всегда будут люди, охотящиеся за чужими секретами, и люди, эти секреты охраняющие. Не рыцари на белых скакунах, но рыцари плаща и кинжала. Неприметные работники тайных служб.

Себастьян Март в своем деле один из лучших, но даже он всего лишь карта в беспрестанно тасующейся колоде. Меняются расклады, меняются противники: чернокнижники, торговцы дурманом, предатели в собственных рядах, а настоящие игроки остаются в тени. Попробуй подобраться к ним, и немедленно окажешься перед необходимостью выбирать: исполнить ли долг или спасти тех, кто близок. Бездна или плаха — выбор невелик.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1242-6

© Корнев П. Н., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

Допрос первый МОР

*Месяц Святого Себастьяна Косаря
Год 974 от Великого Собора*

1

День начинался — лучше не бывает.

Проснулся я отлично выспавшимся в самый разгар утра, когда часы на соседней башне отстучали десять раз. К тому же проснулся не один, а в обнимку с молоденькой девицей — и не абы какой гримзой, показавшейся раскрасавицей исключительно с пьяных глаз, но действительно симпатичной служаночкой. Да еще и выставленное вчера хозяином вино оказалось отменного качества, и в голове было ясно-ясно. Словно и не пил до полуночи.

И это обстоятельство радовало неизмеримо: через час идти на встречу, и если свежий запах перегара будет там более чем уместен, то похмельная маета лишь доставит кучу неудобств.

Решив прекращать уже отлеживать бока, я высвободил руку, разбуженная неловким движением служанка заворочалась и открыла глаза.

— Доброе утро, — прижалась ко мне девушка. — Как спалось?

— Просто замечательно, — улыбнулся я и спросил: — Хозяин не потеряет?

— Нет, все в порядке. А вы уже встаете?

— Дела.

— Жаль...

— Вечером.

Я откинул одеяло и невольно поежился: из-за оставленного открытым на ночь окна в комнате оказалось довольно прохлад-

но. Мурашки по коже так и побежали. Осень, ничего не попишешь.

— Вы интересный. — Девушка провела кончиками пальцев по моему предплечью и соскользнула с кровати. — Первый раз у купца татуировку вижу.

— Ошибка молодости, — не моргнув глазом, солгал я. — Когда с отцом на корабле ходил, матросы с панталыку сбили. Набрехали, будто иначе портовые девки любить не будут.

— Это какая-то молитва? — через голову надевая сброшенное вчера на пол платье, поинтересовалась служанка.

— Из откровений Мартина Мореплавателя, — вновь пришлось мне прибегнуть ко лжи. — Молитва об удаче для путешественников морем.

Быть пойманным на вранье я нисколько не опасался. Предплечье расчертили староцерковные письма, и отличить одну цитату из Святого Писания от двух других было не под силу и куда более образованному соглядатаю.

Я и сам, хоть прочел немало книг из закрытых монастырских архивов, не в полной мере мог разобрать черневшие на коже мудреные закорючки. Но одно знал совершенно точно — изречения Николаса Слепца и Августины Травницы никакого отношения к морской удаче не имели.

Погибель бесам и исцеление тела, вот какой смысл — и не только смысл! — несли эти не слишком ровно наколотые слепым мастером слова. И лично для меня это было куда важнее попутного ветра и семи локтей под килем. *«Нательные знаки как защита от скверны».*

— Так вы, мастер Маагляр, из моряков? Тогда понятно, откуда такая прыть! — рассмеялась служанка и, выпростав из ворота русую косу, повернулась ко мне спиной. — Затяните.

Я помог ей справиться с платьем и, не отказав себе в удовольствии облапить ладную фигурку, легким шлепком чуть понизил спину подтолкнул девицу на выход:

— До вечера, красавица.

— Уж будьте уверены, мастер...

— Серж, просто Серж.

— Вы очень добры...

Лукаво подмигнув на прощанье, служанка выскользнула за дверь; я задвинул засов, поежился и поспешил натянуть ночную рубашку. И только потом отдернул плотную штору, открыв

комнату солнечному свету и свежему воздуху, а заодно улично-гомону вкуче с целым букетом не самых приятных запахов.

Ну да это Лем, что с него взять! Даже в ранге столицы Протектората он всегда оставался жуткой дырой, а после грядущего раздела спорной провинции и официально станет самым обычным заштатным городишком, одним из многих в Стильге. К тому же еще и пограничным.

Впрочем, сейчас Лем мало походил на забытое всеми Святыми захолустье — прибытие высоких гостей хоть на несколько дней, но вдохнуло в него новую жизнь. Да иначе и быть не могло: кроме судьбы служившей яблоком раздора провинции на повестке дня стоял вопрос о разделе Тироша, и, помимо делегаций Стильга и Драгарна, городок своим присутствием почтили доверенные лица властителей всех сопредельных государств. А вместе с ними — толпы охранников, шпики, торговцы и просто жуликоватые любители половить рыбку в мутной воде.

На моих глазах катившие телегу тяжеловозы едва не стоптали зазевавшегося прохожего, и шествовавший за возом стражник немедленно воспылал желанием наподдать раззяве древком тяжелой алебарды. Но резкий порыв ветра крайне своевременно для ротозея откинул край дерюги, и позабывший обо всем на свете служивый кинулся укрывать трящиеся в телеге мертвые тела.

Я успел заметить самое меньшее две пары босых пяток и усмехнулся: опять, видно, поножовщина в самый неподходящий момент приключилась, вот местные шишки и приказали разобраться с этим делом по-тихому, ни в коем разе не беспокоя съехавшуюся в город почтенную публику.

Ну да и Святые с ними! Я отошел от окна к висевшему на стене зеркалу, привычно провел пальцами по задней стороне, выискивая печать-благословение ордена Изгоняющих, и только после этого сдернул закрывавшее стекло полотенце. Придирчиво оглядел растрепавшуюся после бурной ночи черную шевелюру, нездоровую кожу лица, набухшие мешки под глазами и припухший нос, задумчиво потер слишком уж светлую щетину на подбородке и полез в несессер за помазком и бритвой.

Прошу любить и жаловать — мастер Серж Маагляр, собственной персоной.

Прибывший с делегацией Марны купец, который слишком

прижимист, чтобы, как все нормальные люди, пользоваться услугами цирюльника, зато всегда готов сделать предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Но это еще впереди, да.

Наскоро побрившись, я привел в надлежащее состояние лицо, хлебнул остававшегося в кувшине вина и, прополоскав рот, сплюнул в ночной горшок. Сменил ночную рубашку на исподнее, с трудом влез в штаны и заправил в них сорочку. Теперь еще сюртук, без него никак...

Отвратительно скроенный искусным портным синий сюртук был слишком узким в плечах, заставлял сутулиться и выпячивал живот, но, оглядев себя в зеркале, я остался полностью доволен увиденным.

Вылитый марнийский купец-сквалыга, и никак иначе.

Шейный платок, гольфы, остроносые туфли и украшенный фазаньим пером берет прекрасно дополнили наряд, а простая трость со стальным набалдашником позволяла не только соответствовать последним веяниям моды, но и удерживать уличных попрошаек на безопасном расстоянии от звеневшего монетами кошелька.

Заперев дверь, я покинул гостиницу и привычной дорогой зашагал к городской ратуше, не забывая поглядывать по сторонам. От меня ведь не убудет, а малая толика внимательности способна иной раз уберечь от весьма и весьма серьезных неприятностей...

Взять вот, к примеру, невесть откуда приبلудившегося нищего. Обыватель твердо уверен, что убогие и калечные бродят по городу как Святые на душу положат, да только это совсем не так. У попрошаек своя жесткая иерархия, и любому зашедшему на чужую территорию побирушке неминуемо придется вскорости уносить ноги. И пусть этот конкретный горемыка занял не самое проходное место — да, глухое тут место, чего там, — проигнорировать его неожиданное появление было бы слишком опрометчиво...

— Подайте защитнику отечества, потерявшему здоровье на Лемском поле! — ухватив цепкими заскорузлыми пальцами мою штанину, загундосил колченогий мужик, кутавшийся в какую-то рванину. — Подайте, господин хороший, на пропитание ветерану славной армии Стильга!

А еще обыватель в массе своей редко замечает то, что происходит у него за спиной, и потому удар дубинкой или наполнен-

ным песком мешочком обычно повергает разиню в неопишное изумление. Буквально до положения риз.

— Подайте!.. — вновь затынул калека, и, резко подавшись вперед, я коротким ударом сверху вниз расквасил ему нос.

Мужичонку опрокинуло на дерюгу; я для верности приложил его по печени острым носком модной туфли и без промедления ткнул за спину лежавшей на сгибе левого локтя тростью. Набегавший сзади громила со всего маху наткнулся на железный оконечник, сипло охнув, сложился пополам и немедленно поймал челюстью взметнувшийся навстречу набалдашник. Сыпанули обломки гнилых зубов, бугай захлебнулся стоном и прилег отдохнуть рядом с подельником.

Третий жулик выхватил нож. Иззубренный и местами поржавевший, но при этом способный отправить оппонента на встречу со Святыми ничуть не хуже остро заточенного шедевра какого-нибудь известного оружейника.

Нехорошо...

Тростью по руке — хруст раздробленных костяшек, будто бальзам на душу! — потом резко по колену и уже с оттягом по левой ключице.

Оболтус повалился на мостовую, но присутствия духа не потерял и сгоряча принялся нашаривать рукоять оброненного в грязь ножа; пришлось наступить ему на пальцы и протянуть тростью по ребрам.

— Ай! — взвыл тщетно пытавшийся выдернуть зажатую подошвой ладонь жулик. — Не надо! Хватит!

— Кто вас послал? — замахиваясь, спросил я.

— Никто!

— Кто вас послал? — Одновременно с вопросом тростьшибанула парню по левому боку и, судя по звуку, перебила сразу два или три ребра. — Говори!

— Никто! — закашлялся бедолага. — Просто кошель заметили... Просто...

Легонько приласкав затылок обалдую набалдашником, я отправил жулика в забвенье, спокойно одернул сюртук и продолжил свой путь.

Совсем гольтыба местная обнаглела — город полон стражников, а они почтенных гостей среди бела дня грабить надумали!

Нехорошо...

На собрание в ратуше я в итоге опоздал. Уже взбегая по стертým ступеням облицованного мрамором крыльца, увидел подпрыгивавшего от нетерпения главу торговой делегации Марны и помахал ему рукой.

— Ну что же вы, мастер Маагларь?! Ну как же так?! — проводя меня через оцепивших вход стражников, начал выговаривать обильно потевший толстяк с колыхавшимся в такт шагам вторым подбородком. — Его сиятельство ожидается с минуты на минуту, а вас все нет и нет! Я тут как уж на сковороде верчусь! Как же так?!

— Спокойствие, мастер Нарль, только спокойствие, — натянуто улыбаясь, попросил я, минуя брата-экзорциста.

Наряженный в длинный плащ, широкополую шляпу, полумаску и остроносые сапоги — все черной кожи, усеянной серебряными колокольчиками, — монах ордена Изгоняющих не обратил на меня никакого внимания, подпиривший рядом с ним стену «серый сюртук» тоже придираться не стал, а вот стоявшие дальше гвардейцы Драгарна потребовали сдать трость.

Ну и сдал, конечно. Почему не сдать?

— Идемте, мастер Маагларь, — заторопился толстяк. — Встреча состоится в кабинете бургомистра.

Статс-секретарь интендантской коллегии Драгарна кавалер Карл Альгре дождался нас в кресле градоначальника, несколько не смущаясь висевшего над ним портрета монарха сопредельного — и традиционно не слишком дружественного — государства. Его величество Грегор Четвертый наблюдал со стены завитые усики, аккуратные локоны и напудренные щеки горбоносого красавца с явным неудовольствием; я же к увиденному остался совершенно равнодушен. Глаза с хитринкой, волевой подбородок, острые скулы, вид решительный и мужественный — это ерунда. Главное, что у человека внутри. А внутри у кавалера Альгре зудела жажда наживы. Мне было об этом известно доподлинно.

Глаза — зеркало души, да. Но есть и другие, куда более надежные источники информации.

— Приносим свои извинения за опоздание, ваше сиятельство, — немедленно поклонился приложивший руку к сердцу мастер Нарль. — Произошла небольшая накладка...

— Не берите в голову, — махнул белоснежной манжетой статс-секретарь. — Право слово, не стоит так волноваться. В

любом случае, нет никакой возможности согласовать интересные вас сделки.

— Но кожаные изделия Марны по праву считаются лучшими во всех Святых Землях! — воскликнул до глубины души пораженный этим пренеприятнейшим известием мастер Нарль, и я поспешил ухватить его под локоть.

— Видите ли, ваше сиятельство, — улыбка далась мне нелегко, но это была честная, открытая и немного печальная улыбка, а не вымученная гримаса пытающегося втюхать лежалый товар коммивояжера, — мы просто не можем вернуться на родину с такими известиями. Боюсь, в этом случае нам придется самолично заняться изготовлением столь нужных вашей армии изделий.

— О? — в удивлении приподнял бровь кавалер Альгре.

— Марна переживает непростые времена. Война будит в людях не лучшие чувства, и наши тюрьмы сейчас переполнены еретиками, грабителями, ворами, а порой и теми, кто не столь быстро, как должно было, поддержал нового монарха...

— Боюсь, я немного не понимаю... — отставил бокал с вином статс-секретарь. — Вы хотите сказать...

— Все предлагаемые вашему вниманию товары изготавливаются на тюремных мануфактурах. И, если сделка сорвется, в казне скоро не останется денег на пропитание этих несчастных.

— Благотворительность — не мой конек! — надменно вскинул подбородок кавалер Альгре.

— Именно поэтому мы готовы делать отчисления в размере десятой части стоимости армейских закупок в, скажем так, резервный фонд для укрепления партнерских отношений...

— Вы предлагаете взятку? — приподнял бровь изрядно удивленный такой прямотой Альгре.

— Как можно?! — обмер мастер Нарль.

— Взятку? Какое мерзкое слово, — поморщился я. — Взятки предлагают за что-то однозначно незаконное, а наши товары действительно лучшие. Полагаю, стоит рассматривать эти перечисления как некий страховой взнос. Наш поверенный в Норвеyme...

— Это детали, — отмахнулся кавалер. — Скажите-ка лучше, любезный, какой в этом деле интерес лично у вас. Наполнение казны, еда для заключенных — это все понятно. Но вам-то что с того, мастер Маагларь? — неожиданно остро глянул мне в глаза статс-секретарь. — А?

— В случае успешного завершения переговоров, — немного даже смутившись, ответил я, — мне было обещано несколько десятин земли неподалеку от Сарина. Имение — дрянь, но оно дает право на титул...

— Это меняет дело! — расплылся в улыбке кавалер Альгре, почуявший родственную душу. — Господа, чего же вы стоите? Присаживайтесь, присаживайтесь!

— Так вы согласны? — вытерев платком вспотевшее лицо, уточнил мастер Нарль.

— Разумеется, ведь ваши товары отменного качества! Надо только обсудить кое-какие детали... — рассмеялся статс-секретарь, и тут на башне ратуши ударил колокол.

И как ударил! Звук врезался в основание черепа, подобно заливной свинцом дубинке, и на какой-то миг у меня перед глазами все поплыло. Стиснув ладонями виски, я дождался, когда затихнут начавшие ворочаться в глубине души призрачные тени, и с облегчением перевел дух. А звон никак не утихал, и вскоре к нему начали присоединять свои голоса колокола по всему городу.

Что за бесовщина? С войны такого не было...

— Не понимаю... — пробормотал мастер Нарль и ошарашенно уставился на распахнувшего дверь драгарнского гвардейца.

— Ваше сиятельство, приказано доставить вас в замок, — прямо с порога отрапортовал служивый.

— Что стряслось?! — вскочил на ноги едва не облившийся от неожиданности вином кавалер Альгре.

— Мор.

2

Ратушу я покинул в растрепанных чувствах. И было отчего: выезд из Лема перекрыли всем, невзирая на чины и звания, а первые заболевшие хоть и появились лишь сегодняшней ночью, но число умерших от непонятной заразы уже перевалило за две сотни. Люди покрывались язвами и сгнивали заживо в считанные часы, и никто даже предположить не мог, что именно послужило причиной этой напасти.

Ну почти никто.

Слишком уж стремительное распространение болезни вызвало у меня нешуточные опасения, а потому я остановил пер-

вую попавшуюся телегу с мертвецами, попросту перехватив поводья запряженной в нее коняги.

— Чего еще?! — завопил возница, из-за своей набитой целебными травами маски походивший на какую-то чудную птицу. — Проваливай, а то стражу кликну!

— Остынь! — Я кинул ему серебряную монетку в полмарки и отдернул закрывавшую тела дерюгу. — Постой пока, спешить-то уже некуда.

— Как некуда? — всплеснул руками возница, деньги, разумеется, спрятав. — Люди мрут как мухи, а возить кому? Мне!

— И Святые с ними, — поморщился я, разглядывая страшные язвы. Кожа и плоть мертвецов оказались прободаны местами до костей, и ни чумой, ни холерой вызвавшая мор болезнь оказаться не могла. Да и быстро, бесовски быстро все происходит.

— А вы, стал-быть, медик, ваша милость? — оценив мой интерес, спросил возница.

— В каком-то роде.

— И что делать?

— Молиться, — на полном серьезе ответил я и зашагал прочь. — Молиться и верить...

И никак иначе — все тела несли на себе отпечаток потустороннего, и без порождений Бездны дело точно не обошлось. Вот только никогда еще одержимость не проявлялась подобным образом! Да и бесы способны овладевать лишь уже истощенными грехом душами.

Нет, мор вызвали намеренно — кто-то в своих неведомых целях усилил заразу скверной. И этот кто-то нечеловечески ловок, раз на него до сих пор не объявили охоту экзорцисты из местной миссии ордена Изгоняющих.

А значит — помоги всем нам Святой Себастьян Косарь!

Задумавшись, я не сразу обратил внимание на идущего навстречу высокого светловолосого священника, который слишком уж пристально разглядывал скромного торговца из Марны в моем лице. А когда тот затянул изгоняющий бесов псалом — *«Полный сборник молитв Николаса Слепца»*, — спастись бегством стало уже слишком поздно.

Да и куда бежать? Затеряться в толпе нечего и надеяться — ни одной живой души вокруг! Лишь я да этот слишком уж про-

нищательный святоша! И откуда только его нечистые принесли?!

— Не надо, святой отец! Вы не так все поняли! — собирая в кулак всю свою волю, взмолился я, и тут в меня призрачным молотом врезалась яростная молитва.

Вера священника оказалась сильна. Невыносимая тяжесть обрушилась на плечи и заставила бухнуться на колени, вместо крови по венам потек жидкий огонь, а не дать святому слову развеять заточенных в глубине души отродий Бездны и вовсе получилось ценой невероятных усилий.

— Эх, святой отец... — поднимаясь с колен, страдальчески поморщился я, потом встретился с тяжело отдувавшимся священником взглядом, и ругательства замерли у меня на языке.

Не зря один недоброй памяти экзекутор в свое время сказал, что глаза — это зеркало души. Заколотый в Сарине адепт ордена Пламенной длани был абсолютно прав: глаза и в самом деле могут слишком многое поведать о человеке внимательному наблюдателю.

Особенно если в их бездонных глубинах кружатся обрывки душ загубленных ради власти и личного могущества бесноватых.

Не священник приложил меня молитвой, а брат-экзекутор! Здесь, в Леме, — экзекутор!

Прибудь он с официальным визитом, об этом бы давно судачил весь город, а значит, полуночник находится в городе на нелегальном положении. И...

...и тут он развернулся и побежал!

Глаза — мать их! — зеркало души, и в меня брат-экзекутор в свою очередь заглянул столь же легко! А заглянув и разглядев легион бесов, немедленно бросился наутек. И немудрено: душа человеческая неспособна выдержать ярость даже двух нечистых, и лишь выродки из выродков — Жнецы — могут совладать с подобной напастью. Не они одержимы, но наоборот.

Превозмогая расходящуюся по всему телу ломоту, я распахнул двери запертой в самой глубине души темницы, выхватил из свившихся в клубок порождений Бездны первую попавшуюся бесовскую сущность и заставил ее перетечь в руку. Скрипнул зубами из-за разъедавшей сознание боли, но все же собрался с силами и, словно веригами, обвинил нечистого жгутами скверны. А затем глубоко вдохнул и метнул исчадие Пустоты вдогонку лжесвященнику.

Будто гарпун.

Да так оно в итоге и вышло — наполненная злобой и отчаянием тварь в один миг пронзила саму суть перепуганного человека, и обратный рывок вместе с бесом выдрал душу беглеца, просто сочившуюся потусторонней силой отправленных экзекутором на костер одержимых.

А вот тело продолжило свой бег — тело не осознало, что оно уже мертво. Никаких ран, никаких увечий — и все же в нем не осталось ни капли жизни. Шагов через двадцать ноги мертвеца подкосились, он рухнул на мостовую и судорожно задергался в изначально обреченной на неудачу попытке спастись.

Не без труда скрутив трофейную силу в безумно колючий клубок, я запрятал скверну под сердце и без всякой спешки направился к подергивавшему ногами экзекутору. Когда подошел, по серой рясе уже растеклось резко вонявшее мочой пятно, но сердце до сих пор колотилось, разгоняя по телу кровь. Осуждающе покачав головой, я ногой спихнул экзекутора в канаву с нечистотами — вот вам и еще одна жертва заразы, — и поспешил прочь.

Табор циркачей, комедиантов и прочих промышлявших уличными представлениями фигляров облюбовал для своей стоянки небольшой пустырь на окраине Лема. Место было выбрано неспроста: одной стороной пустошь примыкала к крепостной стене, другой — терялась в заросшем густым бурьяном овраге, а обитатели соседствовавших с пристанищем бродячих артистов трущоб не торопились кликать стражников, заслышав ругань, крики и шум нередких в творческой среде потасовок.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, я спокойно прошествовал мимо группы апатично-похмельных трюкачей, подошел к расписанному всякими таинственными знаками фургону и прищелкнул пальцами, привлекая внимание сидевшего на чурбаке широкоплечего коротышки:

— Альб!

— Ну? — Широко известный в цирковых кругах как гениальный метатель ножей и талантливый жонглер парень прекратил доводить до совершенства зажатый в руке клинок, завернул его в кожаный обрешок и уставился на меня. — Чего?

— Зови Гуго и Берту, — распорядился я и, с трудом задрвав обтянутую узкой штаниной ногу, влез в фургон.

Одернул за собой полог, запалил масляный фонарь и с неописуемым облегчением скинул на пыльный пол опостылевший

за последние дни сюртук. Следом отправились брюки, туфли и сорочка, так что, когда внутрь проскользнула Берта, на мне оставалось лишь исподнее.

— Хотел меня видеть? — с непонятной улыбкой поинтересовалась высокая черноволосая девушка с резкими, но ужасно привлекательными чертами лица. В провокационных разрезах ее длинной юбки бесстыдно мелькали стройные ноги, а завязанная спереди на узел мужская рубашка не столько скрывала, сколько подчеркивала великолепную грудь.

— Ты мне нужна. — Отперев сундук, я взял замотанное в тряпку зеркало, повесил его на специальный крюк и придержал, когда тяжелая рама закачалась, слегка продавив обтягивавший фургон тент.

— Ну наконец-то, Себастьян, ты признал это!

Качнув бедрами, Берта подступила вплотную, прижалась грудью, и я почувствовал, как в меня уперлись ее напрягшиеся... напрягшиеся, хм-мм...

— Хватит! — потребовал я и отвернулся к зеркалу.

Отвечать на заигрывания циркачки было себе дороже. Если прозванные «черными вдовами» пахартские паучихи пожирали самцов исключительно после спаривания, то Берте даже не требовалось доводить дело до физиологической близости. Попавшие в любовные силки мужики совершенно сходили с ума от одного взгляда ее зеленых глазищ.

Ну и к чему мне такие проблемы?

— Но почему? — продолжая свою игру, потребовала ответа Берта. — Не отрицай, я ведь тебе нравлюсь!

— Не имею обыкновения спать с тем, с кем работаю.

— Ну и продолжай не спать с Гуго и Альбом, а для меня сделай исключение.

— Довольно! Живо тащи расческу и ножницы! — Морщась, я вытащил из ноздрей менявшие форму носа распорки, потом языком вытолкнул изо рта на ладонь придававшие лицу одутловатый вид кожаные подушечки и поторопил циркачку: — Быстрее, женщина!

— Как скажешь, о деспотичный ты наш, — вздохнула Берта и наконец оставила меня в покое.

Стиснув зубы, я оторвал приклеенные под глаза мешочки из воска и какой-то вязкой дряни, затем пришла очередь язвочек и гнойничков, а для избавления кожи от нездорового оттенка

пришлось воспользоваться смоченной в полынной настойке тряпицей.

— Таким ты мне нравишься гораздо больше, — ехидно улыбнулась Берта и спросила: — Как стричь?

— Покороче, — попросил я и опустил на пододвинутый к зеркалу табурет.

— Твои желания — закон, о повелитель девичьих грез, — проворковала девушка, зашла мне за спину и, не преминув на миг прижаться упругой грудью, занялась стрижкой.

А вскоре пожаловали и остальные циркачи. Альб молча уселся на сундук и обхватил колени своими несуразно длинными руками; Гуго — изящный седовласый франт в отлично скроенном, но уже изрядно поношенном костюме — неодобрительно поцокал языком и прошелся вокруг меня.

— Так понимаю, у нас действительно проблемы... — раздраженно пробормотал подвизавшийся на ниве балаганных фокусов щеголь, давно уже лелеявший несбыточную мечту получить перевод с разъездной работы на какую-нибудь синекуру в столице.

— Не все так плохо, — морщась из-за щекотавших шею обрезков волос, ответил я.

— Правда?

— Да. Все много-много хуже.

— Мор? — сразу догадался Гуго. — Думаешь, это настолько серьезно?

— Именно, — вздохнул я.

— И что в нем такого? Подумаешь, заболел кто-то! — фыркнул Альб, который отвечал в труппе за силовое решение проблем. Наши проблемы имели обыкновение ходить вооруженными до зубов, но коротышка по праву считался мастером поножовщины, и проколов у него на сегодняшний день не случилось ни разу. А вот шевелить мозгами он по обыкновению не любил.

— Слишком быстро зараза распространяется, — передернул плечами Гуго.

— Мор — не простая зараза. — Я поднялся с табурета, стоило Берте закончить стрижку и худо-бедно стряхнуть обрезки волос с моих плеч и спины. — Мор вызван чернокнижником. В мертвых телах присутствовали отголоски скверны.

— Бесов праздник! — охнул седой фокусник. — Сами розысками займемся или в надзорную коллегия сообщим?

— Кто — мне и без надзорной коллегии известно. Извест-

но лишь, как им это удалось повернуть, — ответил я и зажмурился, смачивая короткий ежик черных волос остро пахнущей хвоей жидкостью. — В Леме орудуют братья-эзекюторы.

— Чушь! — вскинулся Альб. — Не может такого быть!

— Не буду спорить — чушь, — согласился я. — Но по дороге сюда мне пришлось одного из них упокоить.

— Не верю! — продолжил упорствовать жонглер. Оно и понятно: крайне неразумно обвинять в распространении болезни едва ли не самый могущественный монашеский орден, долгие века сжигавший бесноватых по всей полуночи Святых Земель. И не только там...

— Как будто твое мнение имеет какое-то значение! — презрительно скривилась Берта, принеся мне таз с чуть теплой водой.

— Но зачем эзекюторам понадобилось насыпать на город мор? — задумчиво потер гладковыбритый подбородок Гуго. — Неужели Норвеим желает сорвать мирные переговоры Драгарна и Стильга? Какой им в этом резон?

— Не знаю, да и неважно это пока, — отмахнулся я, вытирая голову почерневшим из-за оставшейся на нем краски для волос полотенцем. — Берта, попробуй спрашивать людей о высоких светловолосых монахах или священниках с полуночным акцентом. Альб, поговори с местными, не шляется ли поблизости кто-нибудь подозрительный. Идите!

— Так понимаю, для меня ты поберег самое неприятное задание? — вздохнул Гуго.

— В гостиницу мне возвращаться нельзя. Возьми одежду, подбери подходящий труп с изуродованным лицом и организуй опознание. Серж Маагларь должен умереть. И забери зеркало из номера — на нем благословение братьев-эзорцистов.

Неблагословенное зеркало — врата в Пустоту. Ты смотришь на свое отражение, а оттуда на тебя смотрит Бездна. Для обычного человека пустяк, для меня — хуже не придумаешь. *«Зеркала как греховные очи Бездны».*

— А переговоры?

— Его сиятельство уже заглотнул наживку, с остальным справится мастер Нарль.

Кавалер Альгре сам накинул петлю себе на шею, и, когда со временем из Марны по армейским закупкам начнутся поставки некачественных товаров, отказаться от якобы столь выгодного

сотрудничества он уже не сможет. А значит, будет на коротком поводке.

— Слава Святым! — с облегчением перевел дух Гуго. — Слава Стильгу!

— Поторопись.

Фокусник выбрался из фургона; я непроизвольно прикоснулся кончиками пальцев к раме зеркала, уловил присутствие оставленного экзорцистом благословения и глянул на свое отражение.

Ну, здравствуй, Себастьян Март, мелкий чин Тайной службы Стильга.

Неплохо выглядишь. Поправился разве только, и...

...и тут мне в грудь вонзился проткнувший тент длинный узкий клинок! Гибкая полоска холодной стали, скользнув меж ребер, пробила сердце и согнулась, а в следующий миг ее одним рывком выдернули обратно.

Какое-то мгновение я стоял, пытаюсь остановить хлеставшую из раны кровь, а потом со всех сторон навалилась темнота, колени подогнулись, и голова совершенно деревянно стукнулась о доски настила.

Ну да — я умер. Окончательно и вроде как даже бесповоротно.

3

Умер — и оказался посреди заполненной серостью беспредельной Пустоты. Я ничего не видел, не слышал и не ощущал — и вместе с тем доподлинно знал, что вырвавшиеся на свободу бесы, подобно скрытым водной гладью акулам, начинают нарезать круги вокруг моей беззащитной души.

Стремительный рывок — и самое шустрое из порождений Бездны вцепилось в столь желанную добычу, но лишь затем, чтобы немедленно сгореть в объявшем его святом огне. Остальные бесы, спасаясь от неминуемой гибели, сами забились в наиболее глухие закутки моей души, а исцеленное сердце вновь начало разгонять по жилам кровь.

Какое-то время я беззвучно глотал воздух открытым ртом, после попытался подняться, но руки тут же подогнулись, и лицо уткнулось в лужу натекшей на пол крови. Пару минут полежал так, потом перевалился на спину и осторожно прикоснулся к зарубцевавшемуся шраму под левым соском.

Лихо меня. Нет, действительно лихо.

И сам бы лучше не исполнил.

Остается только вопрос: кто? Альб или Берта?

На чужих грешить не стоит: никто не знал о моей привычке касаться зеркала, прежде чем в него посмотреть. И где именно зеркало висит — тоже.

А так — дернулся тент, и лети, душа, в Свет.

Ну ничего, разберусь. Только Гуго дождусь для начала — он-то при всем желании обежать фургон и столь ювелирно пырнуть меня клинком никак не успевал.

Выжженные на руке святые письма, которые и развеяли самого шустрого беса, заодно исцелив рану крупичами его скверны, ныли просто невыносимо, долетавший до пустыря колокольный звон колол похуже вражеского копья, и меня вновь начало мутить.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я зачерпнул из таза мыльной воды и оттер с торса и лица только-только подсохшую кровь. Потом, достав из сундука короткие широкие штаны, синюю рубаху и расшитую затейливыми узорами кожаную жилетку, оделся и с кряхтением натянул на ноги тяжелые пехотные ботинки с железными набойками на носках. Перевел дух, прикрыл короткий ежик рыжих волос куцей кепчонкой и с залитой свинцом дубовой дубинкой в руках уселся на табурет.

Подождем. Подождем — да.

Первым, на мое счастье, явился Гуго. Насвистывая мотивчик из популярной в этом сезоне оперы Антонио Лири, фокусник забрался в фургон и с изумлением уставился на залитый кровью пол.

— Себастьян, ты кого-то убил? — заозирался он по сторонам. — А где тело? В сундуке?

— Нет, — скривился я и перевернул таз. Окрасившаяся в розовый цвет вода утекла сквозь щели, и кровавое пятно перестало бросаться в глаза. — Скорее это меня убили. И вполне успешно, только не до конца.

— Ты в порядке? — всполошился фокусник.

— Теперь — да.

— Кто это был?

— Не знаю, — покачал я головой и указал на неприметную прореху в тенте. — Ударили с улицы.

— Но почему именно сейчас? — наморщил лоб Гуго и вдруг охнул: — Кто-то из нас работает на Норвейм?

— Ничего другого мне на ум не приходит.
— Альб или Берта? Или меня ты тоже подозреваешь?
— Ты бы не успел фургон обежать.
— Хотя в чем-то повезло.
— И не говори. Остается только выяснить, кто именно скурвился.

— Где ты стоял? — спросил Гуго и потянул меня к зеркалу. — Только встань на то самое место! Это важно!

Выполнять распоряжение не хотелось просто жутко — теперь никакая молитва не спасет! — но я пересилил себя и подошел к зеркалу. Подспудно ожидая повторения смертельного удара, протянул руку к деревянной рамке, сдвинулся немного в сторону и кивнул:

— Здесь.

— Куда был нанесен удар?

Я нехотя задрал рубаху и показал белую отметину шрама с левой стороны груди.

— О, Святые! — воскликнул пораженный фокусник. — Точно в сердце!

— Хотелось бы выразить восхищение такой точностью лично...

— Так, били снизу вверх и немного наискось, с правой руки, — задумался Гуго и поспешил к закрывавшему вход пологу. — Подожди!

Чувствуя давящую на плечи усталость, я присел на табурет и похлопал увесистой дубинкой по ладони. А ведь так замечательно день начинался! Так замечательно...

Вернувшийся в фургон Гуго с отсутствующим видом уселся на сундук и печально вздохнул:

— Я бы предпочел, чтобы предателем оказалась эта стерва...

— Альб?

— Он.

— Откуда такая уверенность?

— К борту придвинут бочонок. Крышка протерта.

— Неудивительно, — фыркнул я. — Даже Берте не дотянуться с земли.

— Она высокая, ей несподручно бить с бочонка снизу вверх, — пояснил фокусник. — При ее росте удар вышел бы скорее горизонтальным. И знаешь, она бы непременно зашла оценить результат. А вот Альб в этом отношении излишне самоуверен. Вечно его контролировать приходится.

— Зови выродка. — Поднявшись с табурета, я спрятался за вешалку со сценическими нарядами и предложил: — Скажи, что обнаружил мое тело, все осмотрел и нужна его помощь.

— Сделаю, — вздохнул Гуго и, задув фонарь, выбрался наружу.

Вскоре послышались голоса, потом полог дрогнул, и внутрь проскользнула невысокая, коренастая фигура жонглера. Непривычный к темноте Альб на какой-то миг замешкался, не веря собственным глазам — где труп?! — и подарил мне великолепную возможность примериться и садануть его дубинкой, не опасаясь из-за спешки перестараться и проломить череп.

Парень рухнул как подкошенный; немедленно подскочивший к жонглеру Гуго кандалами из реквизита приковал его правое запястье к левой лодыжке, а потом мы повыкидывали из сундука пыльное барахло и сгрузили туда предателя, предварительно отыскав все запрятанные в его одежде ножи.

— Что дальше? — тяжело отдуваясь, спросил фокусник. — Сообщим Изгоняющим?

— Нет, этот сучонок сейчас запоет.

— Сомневаюсь. А потрошить его здесь нельзя.

— Уж поверь, он нам сам все расскажет. — И я парой хлестких пощечин привел Альба в чувство. — Ведь расскажешь?

— Гори в Бездне! — заорал жонглер и тут же захрипел из-за слегка сдавивших шею пальцев. — Отпусти...

— Посмотри мне в глаза, — потребовал я, но парень крепко зажмурился и, насколько позволяли стенки, попытался отвернуться. — Гуго, запястье.

Фокусник потянул на себя левую руку жонглера, и со всего маху хлопнувшаяся крышка перебила предплечье с явственно прозвучавшим хрустом. А вот последовавший за ним вопль оказался каким-то очень уж приглушенным и вряд ли привлек внимание ко всякому привычных циркачей. Спокойно открыв сундук, я ухватил корчившегося Альба за волосы и усталился ему в глаза. Тот попытался отвести взгляд, но не смог.

Теперь его сознание разрывала боль, куда более пронзительная, чем от перебитой кости. Заточенные во мне бесы силились вырваться на волю, и жалкая душонка предателя казалась им сейчас самым восхитительным прибежищем для своих измученных сущностей. Они упоенно рвали и тягали ее, а потом я мотнул головой, заставляя нечистых успокоиться, и потребовал:

— Говори!

— Экзекуторы в доходном доме в переулке Виноградарей! — прорыдал совершенно убитый касанием потустороннего Альб. — В мансарде!

— Сколько их?

— Четверо. Всего их было четверо!

Я захлопнул крышку и повернулся к Гуго:

— Не задохнется он там?

— Нет, специально дырки просверлены, — успокоил меня фокусник и поежился. — Страшный вы человек, господин Март.

— Да уж не без этого, — поморщился я из-за столь сомнительного комплимента. — Гони сюда Берту, надо навестить господ экзекуторов.

— Одни пойдем?

— Да. Бегу.

Сам я нашел в куче сваленного у заднего борта барахла потертый кожаный саквояж, вынул из него сверток провощенной бумаги и, откинув крышку сундука, осторожно сыпанул в перекошенное от боли и страха лицо жонглера щепоть перемолотых в труху трав. Альб чихнул, потом глаза у него закатились, и он провалился в забытье.

Вот и замечательно.

Отложив сверток, я навесил на сундук массивный замок, и тут в фургон забралась Берта.

— Что-то случилось? — встревоженно поинтересовалась она. — Гуго ничего толком не объяснил!

— Переоденься во что-нибудь попримочней, — попросил я. — Появилась работа по твоему профилю.

— Пойдем вдвоем? — Развязав узел рубахи, девушка стянула ее и кинула на вешалку, потом позволила соскользнуть с бедер юбке и без капли смущения осталась в чем мать родила.

— Нет, Гуго с нами.

— А где Альб?

— Он не сможет присоединиться, — демонстративно отвернувшись от белевшей в темноте женской фигуры, ответил я. Из-за пережитого накатила нервная дрожь, нестерпимо захотелось завалиться в койку первую попавшуюся красотку, и вид обнаженной циркачки вызвал прилив крови туда, куда ей приливать сейчас совершенно не стоило.

Фыркнувшая Берта влезла в обтягивавшее тело подобно

второй коже черное трико и, ради соблюдения приличий, накинула сверху просторный балахон, от которого при необходимости могла избавиться чуть ли не одним движением руки. Легкие сапожки на тонкой подошве, кожаные перчатки и стянувшая волосы косынка тоже нареканий не вызывали, и если на девушку и будут оборачиваться на улице, то лишь из-за ее врожденной грации и красоты.

— Понадобится оружие? — уточнила Берта, заметив, как я убрал в котомку залитую свинцом дубинку, пару ножей и шило — трехгранный клинок закаленной стали в две трети локтя длиной.

— У меня для тебя кое-что другое припасено. — И я отдал ей сверток. — Надо будет высыпать в дымоход.

— Легко.

— Только сама не надышись.

— Да уж не первый раз замужем...

4

Найти доходный дом в переулке Виноградарей проблем не составило. Хотя спросить дорогу и оказалось совершенно не у кого — Лем будто вымер, и навстречу попадались лишь забитые трупами телеги с мрачными и неразговорчивыми возницами. И если в приличных районах многие горожане толпились у молебных домов, то на окраине не было и этого. Обитатели трущоб либо гниющими телами валялись в канавах, либо заливали страх дешевым пойлом. А те, кому решимости не хватило даже на визит в ближайший кабак, отсиживались за запертыми дверями в надежде, что беда пройдет стороной.

— Дети почти не болеют, — сообщил мне Гуго и посильнее натянул на голову обтрепанную шляпу с позолоченной пряжкой на тулье. — Зато отребье с городского дна через одного слегло. Многие даже поговаривать начали, что это кара за грехи людские.

— Чушь, — фыркнул я. — Приятней всего каяться в чужих грехах.

— Поверить не могу, что это экзекуторы натворили, — поежилась притихшая Берта.

— Разберемся, — пообещал я, поднимаясь на крыльцо доходного дома.

И хоть гости с полуночи, не желая привлекать внимания местных стражей порядка, выбрали один из тех гадюшников, где никто никогда ничего не знает, не видит и не помнит, пара зуботычин и несколько серебряных марок мигом исправили эту ситуацию.

— Они в мансарде, окна на улицу выходят, — облизнув рассаженную о чью-то слишком угловатую скулу костяшку, сообщил Гуго девушке. — Пойдем, покажу нужную трубу. — И уже мне: — Себастьян, только не геройствуй в одиночку.

— Само собой.

За Берту я нисколько не волновался. Выросшая в семье акробатов девушка хоть и не подходила фактурой для полетов под куполом цирка, но взбиралась по отвесным стенам и сновала по крышам на удивление ловко.

Поднявшись по скрипучей лестнице на третий этаж, я у нужной двери замедлил шаг, уловил запах благовоний и поспешил по коридору дальше. Не стоит торопиться — все надо провернуть без сучка без задоринки. Трое экзекуторов — это серьезно. У меня и с одним лишь благодаря нешуточному везению так легко справиться получилось.

Присев на корточки в темном углу, я дождался запыхавшегося Гуго и вытащил из котомки нож с узким, слегка изогнутым клинком.

— Готово?

— Да. Вьюшка открыта была, дым шел.

— Тогда пошли.

— Не подействует на нас твое зелье?

— Маску надень.

Я замотал лицо сложенной вдвое полосой черной материи, просунул в щель клинок и без труда приподнял щеколду. Осторожно открыл дверь и проскользнул в комнату. А там — замер, едва переступив порог.

— Вот ведь! — прошептал у меня за спиной Гуго.

Я затащил его в номер и поспешил запереть дверь.

Действительно — «вот ведь»! Таково уж было наше везение, что экзекуторов мы застали в самом разгаре смены личин. Двое светловолосых парней наряжались в униформу «серых скуртуков» — служащих дворцовой охраны Стильга, — а на кровати рядом с чернявым задохликом лежал полный кожаный наряд брата-экзорциста, ему, без всякого сомнения, великоватый.

— Не похож этот на уроженца Норвейма! — засомневался Гуго, указав на темноволосого парня.

— Они в Руге через одного такие.

Я проверил всех троих и с облегчением перевел дух — спят. И проснутся никак не раньше чем через десять — двенадцать часов.

— Ты только посмотри! — разволновался фокусник, схватив со стола исписанные убористым почерком бумаги. — Это план резиденции генерал-губернатора, расписание смены караулов и пароли на эту декаду!

— И никаких следов чернокнижника, — с отрешенным видом огляделся я по сторонам.

Совершенно никаких. Комната как комната. Ни тебе нарисованных кровью пентаклей, ни человеческих жертвоприношений. И все трое экзекуторов здесь.

Ничего не понимаю.

— Их осведомитель должен иметь доступ к секретной информации! — изучив записи, заявил Гуго и уставился на меня. — Но если они планировали обычное убийство, зачем переполошили всех этим мором?

— Не знаю. Возможно, мор не их рук дело, — нахмурился я и взвесил в руке найденный среди бумаг жетон служащего дворцовой охраны. — Настоящий!

— Не может быть!

— Точно тебе говорю. И, раз экзекутор крутился неподалеку от ратуши, зуб даю, их агент кто-то из «серых сюртуков», дежуривших там сегодня. Или... или кто-то из свиты герцога Гастре.

— Что будем делать? — спросил Гуго, пряча записи в потайной карман камзола.

— Вязать будем. Что еще?

И мы начали вязать. «Ласточкой». Так, чтобы малейшая попытка освободиться приводила к затягиванию петли на шее. Только бы спросонья теперь не удавились. Ну да это уже не наши заботы.

Наскоро покидав бренчавшее серебряными колокольцами одеяние экзорциста в обнаруженный под кроватью баул, я дождался, когда Гуго выпотрошит найденные в комнате кошель, и набросил шнурок на щеколду. Выпустил фокусника в коридор и, удерживая запор в поднятом состоянии, ступил следом.

— Идем! — поторопил меня Гуго.

— Сейчас! — Выдернув шнурок, я убедился, что освобож-

денная щеколда упала и заперла дверь, и поспешил за подручным. — Ходу!

На улице к нам присоединилась успевшая спуститься с крыши и накинуть поверх трико балахон Берта, и я начал отдавать распоряжения:

— Гуго, найди связного в миссии Изгоняющих, пусть заберут наших гостей с полуночи. Берта, возвращайся в фургон и не спускай глаз с Альба.

— А что с ним не так?

— Он в сундуке, — усмехнулся фокусник. — Работал на этих гадов.

— Никогда мне эта обезьяна не нравилась, — презрительно поморщилась девушка.

— Позже попробуем его разговорить.

— А сам ты куда? — забеспокоился Гуго.

— Надо предупредить охранку.

— Не боишься нарваться на предателя?

— Нет.

Я махнул своим подельникам и поспешил обратиться с улицы в темный переулок. Надежный контакт среди «серых сюртуков» у меня имелся, а одеяние брата-экзорциста даст возможность пообщаться с нужным человеком, не привлекая излишнего внимания к своей скромной персоне. Так что в этом отношении проблем не предвиделось ни малейших...

Вот только проблемы нашли меня сами. Неожиданно из какого-то закутка навстречу вынырнули две плечистые фигуры, и, поскольку на обычных уличных грабителей мрачные бугаи несколько не походили, я со всей силы шибанул плечом ближайшую дверь, легко выломал хлипкий засов и со всех ног бросился бежать по коридору. Не встретив ни единого человека, промчался через кухню, выскочил в пустой зал таверны и выругался, заметив двух мордovorотов, подпиравших входную дверь.

— В своей непредсказуемости, господин Март, вы становитесь ужасно предсказуемым, — спокойно произнес сидевший за угловым столом худощавый мужчина, чье лицо скрывала наклоненная на лоб широкополая шляпа. — Парадокс.

Кроме зубоскала и его подручных, больше в таверне никого не оказалось, но и пятеро на одного — не самый удачный расклад. К тому же неугодного человека гораздо проще зарезать в подворотне, чем устраивать из этого целое представление.

И поэтому я спокойно прошествовал к угловому столу, бросил баул под ноги и уселся напротив таинственного незнакомца, в голосе которого слышался слабый намек на акцент, свойственный выходцам из континентальной части Ланса.

— В самом деле?

— Как видите. — Мой собеседник снял шляпу и оказался представительной внешности господином средних лет, с острым прямым носом, аккуратно подстриженной бородкой и пронзительными глазами опытного шпика. Слишком пронзительными даже для опытного шпика. — У меня есть к вам вопрос.

— С чего мне отвечать на вопросы «рыбьей крови»? — припомнил я презрительное прозвище уроженцев континентальных провинций Ланса.

— Справедливо. — В ответ на оскорбление на лице франта не дрогнул ни один мускул, он лишь дотронулся до рубиновой серьги в левом ухе и скривил в улыбке тонкие бескровные губы. — Поэтому предлагаю сделку: вы отвечаете на мой вопрос, а я помогу остановить мор.

— Не думаю, что мне понадобится ваша помощь.

— Норвеймские выродки собирались устранить канцлера Драгарна, и только. К мору они непричастны.

— Зачем им эта смерть?

— Канцлер выступает за совместный с Лансом раздел государств Пакта, а Норвейму, напротив, выгодна эскалация конфликта.

— Хотят под шумок отвоевать Руг?

— Именно, — кивнул ланский шпик. — Но речь сейчас не о том. Важно то, что в Драгарне хватает горячих голов, ратующих за продолжение военных действий и полный захват всей территории Пакта. Именно они и приказали ликвидировать канцлера, не считаясь с сопутствующими жертвами.

— Даже с такими?

— Слишком высоки ставки. Главное для них — избежать малейших подозрений в причастности к произошедшему. Что же касается смерти... Гибель канцлера развяжет армейским сорвиголовам руки, а остальное для них значения не имеет. Наоборот, меньше вопросов возникнет. Это как прятать сорванный лист в лесу. Очень умно, вы не находите?

— И чего вы хотите?

— Ответьте на один вопрос и узнаете, где можно найти исполнителей.

— Предпочитаете решать проблемы чужими руками?

— Не без этого.

— Спрашивайте.

— Нам известно, что вы были там, где были, и сделали то, что сделали. — Мой собеседник выложил на стол сверток, развернул его и продемонстрировал изогнутый нож с обугленным лезвием-когтем. — И кто вас сопровождал, нам тоже известно. Но мы не знаем, — шпик стрельнул взглядом в сторону стоявших у входа мордovorотов и понизил голос, — куда потом делся некий Ричард Йорк...

Я задумчиво повертел в руках клинок, надавил, и тот с тихим хрустом обломился у самой рукояти. Желая выиграть время, вытер ладонь о штанину и лишь тогда спросил:

— Зачем вам это?

Зачем? Да нет, зачем — понятно. Интерес пославших франта людей вызван родословной пропавшего рыцаря. Вероятно, кто-то прознал о том, что официально считавшийся умершим в детстве первенец ланского монарха Эдварда Первого последние годы жил, скрываясь под личиной капитана гвардии Довласа.

Вопрос, что с этим знанием собираются делать. С какой целью кто-то решил разворошить прошлое?

— Одни хотят его возвысить, — пожал плечами шпик, — другие, наоборот, опасаются его возвышения. Внутренняя политика, ничего интересного.

— И те, и другие могут отправляться в Бездну.

— Зря вы так, господин Март!

— Это ответ на ваш вопрос, — оборвал я собеседника. — И другого ответа у меня не будет.

— Хотите сказать...

— Он ушел туда сам и за шиворот утащил с собой вашего драгоценного Жнеца.

В семь лет Ричард Йорк умер, но остался жить из-за темных чар и любви к великой герцогине Довласа. И когда его госпожу убили заговорщики, рыцарь без колебаний пожертвовал собой, дабы спасти нас всех. Спасти нас всех — и отомстить.

— Ясно. — Шпик без спешки поднялся из-за стола и водрузил на голову шляпу. — Вам нужна заброшенная часовня у заткатного моста.

— Благодарствую. — Мне не удалось удержаться от смешка. Задумчивый господин прошел к входной двери, там развернулся и вновь потеревил серьгу.

— Не советую в будущем посещать мою родину. Четвертование — не та вещь, которая придется вам по вкусу, — заявил он на прощанье и вышел на улицу.

— И в мыслях не было, — мрачно буркнул я.

Четвертование! Ну надо же! А ведь услугу им оказал! Не устрани мы духовного лидера ереси Единения, пришлось бы Ланс огнем и мечом в лоно Церкви возвращать. А они — четвертование!

Рыбья кровь!

5

К заброшенной часовенке я подошел, уже облачившись в кожаное одеяние брата-экзорциста. Звон серебряных колокольчиков на плаще и шляпе неминуемо должен был заранее предупредить злоумышленников о моем приближении, но на это и делался расчет.

Ждете Изгоняющего? Будет вам Изгоняющий. Все будет...

Наверное, только из-за одеяния меня и не подстрелили на подходе. А стоило войти в заброшенное здание, как тут же слышался глумливый голос:

— Посмотрите только, кто к нам пожаловал!

Подкидывавший и ловивший кинжал живчик в коричневом камзоле, бриджах и высоких сапогах радостно заулыбался при моем появлении, а вот прятавшийся за балюстрадой на втором этаже арбалетчик остался предельно собранным и серьезным.

— Здесь творятся дурные дела, — туманно ответил я, во все глаза уставившись на высокое, чуть ли не в рост человека зеркало у дальней стены, перед которым горело несколько толстенных, заплывших причудливыми наростами воска черных свечей. Оттуда веяло чем-то до боли знакомым, вот только никак не получалось разобрать чем. — Чувствую присутствие Бездны!

— Да неужели? — Из соседнего помещения вышел смуглый горбоносый мужчина в просторном одеянии, с непонятной склянкой в руке. — Тогда ваш долг — выжечь скверну огнем своей веры!

Я наполнил легкие воздухом, собираясь на одном дыхании проговорить подходящую к случаю молитву, и вдруг понял, что

потустороннее не в людях. Скверна окутывала их, делала сильнее, быстрее и решительнее, но не гнездилась в душах. Она была, и в то же самое время ее не было.

— Ну что же вы, святой отец? — рассмеялся главарь и провел свободной рукой по странному ожерелью, собранному чуть ли не из человеческих костяшек и зубов. — Жгите!

— Как вы делаете это? — спросил я, больше рассчитывая потянуть время, чем получить какой-то конкретный ответ.

— Бесноватые, господин экзорцист, это все бесноватые. При правильном обращении они чрезвычайно полезны, — заявил чернокнижник — а чернокнижник ли? — и поднял руку с заполненной прозрачным раствором бутылочкой, в которой плавало самое настоящее человеческое око. — Вот этот глаз, к примеру, принадлежит спутавшемуся с порождениями Бездны гениальному живописцу. Прямо сейчас он рисует ваш портрет, поэтому проявите уважение — покажите лицо. И заодно извольте объяснить, как вам удалось отыскать это место!

— Разве потеря глаза не должна была сказаться на чувстве перспективы? — Я кинул стянутую с головы шляпу под ноги, а вот снимать полумаску не стал.

Вместо этого, потянувшись к свившейся под сердцем в колючий ледяной клубок скверне, заставил ее растечься по телу и сразу ощутил связь нанизанных на золотую цепочку зубов, обломков костей и кусочков иссушенной плоти с заточенными в Драгарне бесноватыми. По уходившим прямиком в Бездну нитям потустороннего из брошенных в казематы одержимых беспрестанно выкачивались крупницы силы, которые накапливались в страшном украшении, наделяя при этом его владельца просто поразительными способностями. И что хуже всего — проклятое ожерелье позволяло чернокнижнику не пятнать следами потустороннего собственную душу! И потому выжигающие из людей скверну молитвы сейчас ничем помочь не могли. *«Ритуалы изгнания младших бесов», глава «Слуги Бездны и методы обуздания оных».*

— Этот художник настолько гениален, что рисует свои полотна вслепую. Нам понадобились оба его глаза, — ответил главарь. — Вашу маску!

Поигрывавший кинжалом хлыщ шагнул ко мне и с неприятной ухмылкой поинтересовался:

— Помочь? Это мы быстро...

— Стой! — крикнул почуявший вдруг неладное главарь, и я резким прыжком сорвался с места.

Потусторонняя сила будто подтолкнула в спину, позади впустую клацнул по камням арбалетный болт, а мгновение спустя выхваченный из широкого рукава плаща нож вонзился меж ребер только начавшего замахиваться кинжалом торопыги.

Изо рта смертельно раненного человека вырвался сдавленный сип, и я отшвырнул обмякшее тело под ноги чернокнижнику. Без толку — тот легко перемахнул через подельника и в прыжке выбросил вперед крепко сжатый кулак. Унизанные костяными перстнями пальцы обожгли ледяным касанием скверны, и, хоть кожаное одеяние уберегло от грозившего поработить волю заклинания, неожиданный удар все же опрокинул меня на пол.

Даже не пытаясь подняться на ноги, я перекатился в сторону, и подхвативший второй арбалет стрелок вновь допустил промах. А вот чернокнижник в один миг оказался рядом и навалился сверху. Но поздно — кончики моих пальцев уже скользнули по холодной глади зеркала.

Бездна невидимым тараном вломила в сознание, заточенные в душе бесы рванули навстречу родной стихии, стремясь перехватить контроль над телом, и в голове немедленно зазвучали чьи-то призрачные голоса.

«Расслабься, успокойся, и все будет хорошо. Только расслабься и дай нам помочь тебе! Мы подарим могущество, о котором ты и не мечтал! Сокрушим всех врагов, наделим властью...»

Крутившаяся в голове молитва пламенной волной смысла наваждение, а потом провалившаяся в зазеркалье рука стиснула нити скверны, тянувшиеся от ожерелья чернокнижника в Бездну, и заставила — пусть и на один лишь краткий миг! — польхнуть их огнем моей веры.

Навалившийся сзади главарь неожиданно всхлипнул, его пальцы судорожно сжались и, царапнув ногтями скулу, сорвали у меня с лица полумаску. Рывком за ворот хламиды я стащил с себя чернокнижника, упершись левым предплечьем в гортань, прижал его к полу и всадил в живот вытащенное из-под плаща шило. И сразу, даже не выдернув из раны трехгранный клинок, откатился в сторону.

Вовремя! Едва не зацепивший бедро болт прошел полу плаща и с лязгом срикошетил от каменной кладки!

Вскочив на ноги, я под предательский звон колокольчиков метнулся в соседнее помещение и, на ходу стягивая кожаное одеяние, спрятался за угол. А когда услышал топот сбежавшего со второго этажа арбалетчика, зашвырнул скомканный плащ в темень уходящей куда-то вниз лестницы. Серебро весело звякнуло о каменные ступени уже в подвале, и уловивший далекий перезвон стрелок смело ворвался в дверь.

И в тот же миг растянулся на полу, споткнувшись о выставленную ногу! Ни встать, ни дотянуться до отлетевшего при падении оружия он уже не сумел — с силой опустившийся на висок каблук ботинка заставил его череп треснуть, будто гнилой орех.

Удостоверившись в смерти несчастного ублюдка, я вернулся к скорчившемуся у злополучного зеркала чернокнижнику и, пихнув в грудь подошвой, опрокинул его на спину. Спокойно выдернул загнанное в живот шило и, подавшись вперед, уверенным движением воткнул клинок в глазницу. Ощутил, как пронзившее мозг острие скользнуло по затылочной кости, и только тогда извлек оружие из уже мертвого тела.

Вот так! Никаких раненых, никаких пленных. Мне и одного смертного приговора с лихвой хватит. Так и так не дали бы делу ход — нам на текущем этапе мир с Драгарном как воздух необходим.

Тут, потирая располосованное ногтями лицо, я заметил валявшуюся на полу бутылочку с вперившимся в меня глазом слепого художника и в сердцах пнул сорванную в пылу борьбы полумаску. Вот ведь незадача!

С тяжелым вздохом поднял стекляшку и, легонько потряхивая ее, отправился в подвал, откуда явственно тянуло отголосками скверны. Осторожно спустился по осклизлым ступеням, сошел с лестницы и невольно подался обратно, разглядев в тусклом свете стоявшего на каменной плите фонаря распятого на засыпном земляном полу человека. Точнее — существо, человеком некогда бывшее.

В полумраке изъеденная глубокими язвами и кишевшая червями плоть показалась просто омерзительной, от резкой вони заслезились глаза и начал подкатывать к горлу комок тошноты. А потом я с ужасом осознал, что несчастный до сих пор находится на грани жизни и смерти. Пойманный в ловушку проклятой души бес не давал телу умереть, и благодаря этому чары, наложенные на пронзившие руки и ноги костяные костыли, продолжали и продолжали отравлять горожан.

Вот он — источник мора.

Я поставил бутылочку с глазным яблоком к фонарю и, проведя носком ботинка по земляному полу одну непрерывную черту, заключил в круг и себя, и бесноватого. Вполголоса прочитал короткую молитву, заставившую в судорогах забиться одержимого порождением Бездны человека, потом собрался с решимостью и как-то очень уж легко вырвал нечистого из отравленной отчаянием жертвы.

Стиснул своей волей пытавшуюся вырваться на свободу тварь и подивился, какую прорву силы несла в себе потусторонняя сущность. Это отродье не чета бледным теням бывлых повелителей Пустоты, заключенным в моей душе!

Ключ к подлинному могуществу — вот что это такое! И ведь всего-то лишь надо присовокупить беса к остальным нечистым! Просто выпить переполнявшую его скверну, просто...

Я мечтательно улыбнулся, потом поднял бутылочку с плавающим в растворе оком и, подмигнув ему, зашвырнул нечистого — прощай, искушитель! — по уходящей в Бездну нити скверны. Глазное яблоко вздрогнуло и бесформенным комком слизи осело на дно стекляшки, стоило двум сошедшимся в схватке бесам в клочья разорвать своей яростью душу слепого живописца.

Личное могущество — это хорошо, но иногда надо что-то и для других делать.

Например, прервать мучения бесноватого художника, по случайному стечению обстоятельств занятого сейчасписанием моего портрета.

Зачем, ну зачем кому-то в Тайной службе Драгарна лицезреть мою физиономию?

Ни к чему это. Я не тщеславный, мне еще пожить охота.

Работа такая, ничего не попишешь.

*С моих слов записано верно,
Себастьян Март*

Материалы королевского трибунала по обвинению
Себастьяна Марта в предательстве интересов Короны

Докладная записка

Себастьян Март, граф Сольгрев, кавалер орденов Святого
Мартина второй степени и марнийского «Серебряного орла».

Родился в семье преуспевающего сапожника в Акрае в 948 году от Великого Собора. В семнадцать лет за убийство приговорен городским судом к десяти годам каторжных работ, вместо отбывания наказания завербовался в армию. Участвовал в войне с Драгарном (964 — 966 годов В. С.), за Лемскую битву пожалован памятный знак.

В 966 году В. С. принят в королевскую Тайную службу, зарекомендовал себя хорошо и вскоре был назначен командиром разъездной группы. В 971 году В. С., выполняя задание на территории Марны, подвергся воздействию потусторонней сущности, в силу чего приобрел способности заточать в своей душе бесов и скверну.

В течение следующего года выполнял обязанности консультанта при надзорной коллегии, впоследствии принял участие в экспедиции на остров Дивный, в результате которой были найдены так называемые «проклятые» наконечники.

За оборону Магрева по личной инициативе короля Марны Альберта Третьего награжден орденом «Серебряного орла». Кроме того, оперативная группа под руководством обвиняемого уничтожила четырех Высших, а также устранила духовного предводителя еретиков, что в немалой степени способствовало скорейшему заключению мирного договора и возвращению Ланса в лоно истинной веры.

После окончания боевых действий вышеуказанная группа ликвидировала заговор, целью которого была узурпация трона Довласа. Ставший возможным в результате этих действий брак Рауля Доминика Мора, графа Луринги, и великой герцогини Анны Кайраони-Грешлиан привел к существенному усилению влияния Стильга в данном регионе.

В рамках трибунала рассматриваются действия обвиняемого, совершенные им на государственной службе в период с 974 по 976 год от В. С.

Выдержка из протокола допроса

Обвинитель. — Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Подсудимый. — Нет.

Обвинитель. — Признаете ли факт сотрудничества с разведкой Ланса?

Подсудимый. — Нет.

Обвинитель. — Однако, находясь в Леме, вы приняли помощь от агента иностранной разведки.

Подсудимый. — На тот момент я не располагал достоверной информацией о личности осведомителя.

Защитник. — Получается, это не вы инициировали сотрудничество с разведкой Ланса, а они, руководствуясь собственными интересами, на безвозмездной основе передали вам сведения?

Подсудимый. — Так и было.

Обвинитель. — Вам не показалось это подозрительным?

Подсудимый. — Показалось.

Обвинитель. — И, несмотря на это, вы воспользовались этой информацией?

Подсудимый. — Ситуация требовала принятия неотложных действий, и в ходе расследования полученные сведения полностью подтвердились.

Обвинитель. — Почему вы не потрудились захватить чернокнижника живым?

Подсудимый. — Это было неоправданно рискованно. Я не мог одновременно следить за пленным и устранять причину распространения заразы.

Обвинитель. — Предлагаю считать заявление обвиняемого о предотвращении им покушения на участников мирной конференции, проходившей в 974 году В. С. в Леме, бездоказательным. А учитывая факт сотрудничества с агентом тайной службы Ланса и хладнокровное убийство духовного лица, предлагаю приговорить Себастьяна Марта к казни через повешение.

Защитник. — Считаю обязанным напомнить, что обвиняемым была вскрыта разведывательная ячейка Святого сыска Норвейма, а вышеуказанное духовное лицо осуществляло на территории Стильга деятельность, не совместимую с монашеским статусом.

Особое мнение представителя ордена Изгоняющих. — Убийство обвиняемым брата-экуектора относится исключительно к юрисдикции Церкви и не может быть рассмотрено в рамках настоящего процесса.

Председатель. — Заседание будет продолжено.

Допрос второй ОЧАГ СКВЕРНЫ

*Месяц Святого Артура Странника
год 975 от Великого Собора*

1

Большую часть жизни разъездной сотрудник Тайной службы проводит в дороге. Приходится, конечно, менять личины, вынюхивать, выпытывать, резать глотки, в конце концов, но в промежутках меж этими сколь увлекательными, столь и неприятными занятиями ты попросту тащишься из одной забытой Святыми дыры в другую.

И хорошо, если путешествовать удастся в скрипучей почтовой карете. Зачастую выпадает месить сапогами грязь или глотать пыль, попутно проклиная ливень, студеной ветер, нещадную жару и прочие погодные катаклизмы.

Была бы дорога — а что проклинать, найдется.

Но, даже когда удается странствовать с комфортом — например, удобно развалившись на мягком сиденье в экипаже с отличными рессорами, — расслабляться не стоит. Пусть тяготы пути и отступают на второй план, от попутчика в этом случае можно ждать куда больших неприятностей, нежели от ватаги лихих людишек, вознамерившихся всего-навсего обчистить кошель или позаимствовать почти новый плащ.

Расслабляться не стоило — да. Но отказаться от бокала «Вельмского пламени» я просто-напросто не смог. Не все же дешевой бурдой в придорожных тавернах накачиваться. К тому же Малькольм Паре терпеть не мог пить в одиночестве, а портить настроение главе королевской Тайной службы Стильга с моей стороны было бы весьма неосмотрительно.

Да и букет, букет просто восхитительный! И это чудесное... как там его... А! Послевкусие! Недурственное вино, в общем.

— Примите мои поздравления, господин Март! Ваши зимние гастроли, — это слово Малькольм Паре произнес без всякой иронии, — были по достоинству оценены на самом высоком уровне. А за операцию в Леме его светлость лично передавал свою благодарность.

— Премного польщен, — ухмыльнулся я и отпил вина.

— Перестань, Себастьян, — досадливо поморщился развалившийся напротив меня глава Тайной службы, — расположение иных людей куда важнее очередной красивой висюльки на парадный мундир. Которого, к слову сказать, у тебя нет.

Я изобразил на лице смешанное с пониманием раскаяние и вслух выражать сомнения в долгой памяти канцлера на добрые дела не стал. Можно подумать, у герцога Гастре других дел нет, кроме как помнить о рядовом сотруднике Тайной службы.

Но Малькольм мигом раскусил эту нехитрую игру и пригрозил пальцем:

— Тебе ли жаловаться?! Помнится, не так давно монарх некоего сопредельного государства даровал кое-кому в собственности имение, дающее право на наследственное дворянство. Не так ли, ваше сиятельство?

— Себастьян Март, граф Сольгрев! — расплылся я в улыбке. — Звучит! Не напомните только, какой у именина годовой доход? Сорок шелегов? Или целых пятьдесят?

— Важен сам факт.

— С этим не поспоришь. — Я осушил бокал, убрал его на подставку и спросил: — Но вы ведь не из-за этого меня в попутчики затребовали?

Ничуть не походивший в своем дорожном одеянии на влиятельного вельможу Паре тяжело вздохнул, глянул на карманные часы и подтвердил:

— Не из-за этого.

— Проблемы? Есть нечто такое, о чем мне следует знать?

— Тирош, — с непонятым выражением лица произнес Малькольм. — Ты ведь наслышан, сколь непростая сейчас ситуация в Тироше?

— Наслышан.

Узурпировавший трон дядя законной наследницы весьма неосмотрительно принял сторону еретиков, и одним из условий мирного договора стало разделение великого герцогства на части. Полуночные земли отошли Довласу, рассветные — Марне, а оставшиеся стали провинцией Стильга. Под управлением герцогини, но тем не менее — провинцией. И это обстоятельство не давало покоя как местным реваншистам, так и щедро ссужавшим им деньги недоброжелателям Короны.

— Его величество всецело поддерживает политику примирения, проводимую ее светлостью Вероникой, но зачастую этих усилий оказывается недостаточно...

ПРИЛОЖЕНИЕ

КАЛЕНДАРЬ

Время года	Месяц
Весна	Святого Мартина Мореплавателя Святого Артура Странника Святой Майи Милостивой
Лето	Святого Иоанна Грамотея Святой Юлианы Затворницы Святой Августины Травницы
Осень	Святого Себастьяна Косаря Святого Огюста Зодчего Святого Николаса Слепца
Зима	Святого Доминика Просветителя Святого Януария Чудотворца Святого Фредерика Копьеносца

ЦЕРКОВЬ

Нынешнее устройство Церкви было утверждено Великим Собором, в котором приняли участие все наиболее влиятельные священнослужители того времени. После многочисленных теологических споров, которые Собор, сформулировавший Символ Веры, разрешил окончательно, было объявлено начало нового летосчисления, где каждому месяцу соответствовал свой святой заступник. Были также приняты правила определения святости и выработана процедура причисления к лику Святых.

В Символе Веры отражены главные религиозные постулаты: противостояние Изначального Света и Извечной Тьмы и ожидание последней битвы, в которой единственными защитниками людей против армии бесов и потерянных душ выступают Святые.

По нынешнему устройству Церкви молельные дома и монастыри всех конкретных Святых находятся в подчинении настоятеля столичного монастыря Всех Святых страны, в которой они расположены.

Молельные дома и монастыри во имя конкретного Святого находятся в подчинении настоятеля монастыря, в котором хранятся мощи или представлена гробница данного Святого.

СВЯТЫЕ

Святой Мартин Мореплаватель. Известный путешественник, прославившийся открытием морского пути в Пахарту и исследованиями Полуденного архипелага. Однажды во время шторма, когда кораблю, на котором он путешествовал, грозила неминуемая гибель, пошел вперед по водной глади, аки посуху, и судно невозбранно прошло за ним меж прибрежных рифов. Был убит в стычке с пиратами Старого моря. Похоронили Мартина по морскому обычаю, но спустя малое время тело было прибито к берегу и оказалось нетленным. Гробница находится в Лагеме. Небесный покровитель моряков.

Святой Артур Странник. Был искусным проповедником и неутомимым миссионером. Принял мученический венец в землях Пахарты. Однако тело его по смерти не выказывало никаких признаков разложения, но напротив — благоухало и мироточило. Это чудо вразумило язычников, многие из которых обратились к истинной вере. Мощи Святого Артура вернул в родные места Мартин Мореплаватель. Похоронен в Карлене. Небесный покровитель странников и путешественников.

Святая Майя Милостивая. Наследная принцесса Драгарна, известная при жизни необычайным благонравием и милосердием. Покровительница приюта для сирых и убогих, открытого на ее пожертвования. Была убита в результате дворцового переворота. Тело принцессы не подверглось тлению, лишь из глаз

текли кровавые слезы, а в день похорон над Лираном прошел кровавый дождь. И по смерти остается защитницей больных и скорбящих, врачуя равно хвори телесные и душевные. Многие исцеляются, совершив паломничество к ее гробнице. Небесная покровительница лекарей.

Святой Иоанн Грамотей. Ученый книжник, ходивший по деревням и обучавший детей монастырской грамоте. Был известен необычайной кротостью нрава. Беседовал с птицами и зверями. Принял смерть на лесной дороге от рук разбойников, кои позднее раскаялись в содеянном и добровольно сдались правосудию. Перед их казнью Святой воочию явился судьям с просьбой о перезахоронении в родных местах и о помиловании убийц, «ибо не ведали, что творили». При открытии гроба обнаружилось, что тело Иоанна оказалось не тронуту порчею и гнием, поэтому его гробница в Магреве стала местом паломничества. Небесный покровитель учащихся и учителей.

Святая Юлиана Затворница. Девица благородного происхождения, добровольно взявшая на себя обет затворничества. Более полувека прожила она в пещере и еще при жизни прославилась как ясновидица. Последние годы паломники текли к Юлиане нескончаемой рекой, многие получили вразумление к исправлению несправедливой жизни и впоследствии прославились добрыми деяниями. За день до отхода в мир иной попрощалась с миром и назвала точный час своей смерти. Нетленные ее останки были похоронены в Вельме. Небесная покровительница ученых.

Святая Августина Травница. Деревенская знахарка, лечившая больных травами и наговорами. Изгоняла бесов наложением рук. Была оклеветана и сожжена на костре по ложному обвинению в чернокнижии, однако на следующий день ее кости замироточили, на кострище за одну ночь взошли цветы, а над самым местом казни вознеслась благовещая радуга. Устрашенный, клеветник сознался в обмане. Урна с прахом Святой находится в монастыре в Руге, и прикосновение к ней способно изгнать из человека бесовскую силу. Небесная покровительница экзорцистов.

Святой Себастьян Косарь. До пятидесяти лет был обычным сельским жителем, молчуном и бирюком. Однажды услышал

проповедь Артура Странника и загорелся огнем истинной веры. В те дни на село нашел мор, гибли без разбору стар и млад. Себастьян вышел на площадь и начал проповедовать и говорил без остановки три декады и три дня. Все, кто слушал его, остались здоровы, а болящие исцелились. И даже одержимые приходили в себя, поскольку бесы не могли выносить голоса Святого. С последним словом проповеди мор закончился и в дальних селениях, но сам Себастьян умер от истощения. Тело его по смерти выглядело так же, как при жизни, и не выказывало признаков тления. Был похоронен в Арлоне. Небесный покровитель сельского сословия.

Святой Огюст Зодчий. Архитектор, казненный по облыжному обвинению в государственной измене. Главный зодчий монастырского комплекса Святой Терезы, чудесным образом посмертно закончивший чертежи храма. Очевидцы неоднократно наблюдали его работающим в ночи, а поутру находили бумаги с указаниями по строительству. Была организована комиссия для проверки захоронения Огюста. По вскрытии могилы оказалось, что останки Огюста не подверглись разложению. В Акрае обустроили гробницу Святого, к коей притекают паломники, желающие успешного завершения сложных дел. Небесный покровитель ремесленников.

Святой Николас Слепец. Слепой проповедник, прославившийся своим даром изгонять бесов. Глядя на бесноватого пустыми глазницами, он огнем истинной веры выжигал из душ одержимых тень самой тени и малейшее видимое зло. Нетленные мощи Святого покоятся в монастыре в Кииласе. Небесный покровитель экзекуторов.

Святой Доминик Просветитель. Создатель монастырской грамоты. Первые книги, написанные его рукой, давно обрели статус святыни. Известен случай, когда приступили к городу Онро враги в великом воинском множестве, и не было надежды на то, что крепость устоит. И тогда взяли рукопись Святого Доминика и обошли с ней посолонь все крепостные стены. И утром враг отступил и ушел искать иной добычи. Похоронен Святой Доминик в Ханциге. Небесный покровитель монашества.

Святой Януарий Чудотворец. Приходской священник, который стал первой жертвой страшной чумы 345 года до Великого Собора. Силой истинной веры он одолел болезнь, а затем, едва окрепнув, излечил всех заболевших в своем приходе. Ходил от города к городу, творя чудеса и исцеляя болящих одним прикосновением. Умер от полного истощения сил в Нильмаре, где и был погребен. Гробница его стала местом паломничества, и к ней устремились те, кто страдал жестокими телесными недугами, получая от Святого полное выздоровление или ослабленные физические немощей: каждому по вере его. В день смерти Святого гробница мироточит. Собранное миро хранят как лекарство последней надежды для тяжело недужных венценосных особ. Небесный покровитель дворянского сословия.

Святой Фредерик Копьеносец. Командир портового гарнизона Оража-на-Рее, руководитель обороны города во время знаменитого пиратского набега 276 года до Великого Собора. Немногочисленный гарнизон не мог удержать город, и тогда Фредерик вышел за крепостные стены один. Вера укрепляла его, и потому он положил врагов бесчисленно. Однако численное преимущество было на их стороне, пираты навалились всею силой и затоптали Фредерика. А потом командир пиратов отрубил герою голову и насадил ее на пику. Сколь велико было всеобщее удивление, когда мертвая голова открыла очи и заговорила, суля пиратам скорую и страшную гибель! Нападавшие бежали без оглядки. Гробница Святого и по сей день находится в Ораже-на-Рее. Небесный покровитель воинов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Допрос первый. МОР.</i>	5
<i>Допрос второй. ОЧАГ СКВЕРНЫ.</i>	37
<i>Допрос третий. ОТБЛЕСКИ ПРОШЛОГО</i>	140
<i>Допрос четвертый. МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ.</i>	209
<i>Допрос пятый. ПРАХ И ПЕПЕЛ.</i>	285
<i>Эпilog.</i>	366
Приложение	
Календарь.	371
Церковь.	371
Святые	372